

Н. И. МОИСЕЕВА

Отношение к религии Ивана Петровича Павлова *

По поводу отношения И. П. Павлова к религии существует странное расхождение изустной традиции тех, кто знал лично Павлова и его окружение, а также тех, кто знал знавших великого ученого и близких к нему лиц, в один голос утверждавших, что Иван Петрович был глубоко религиозным, и традиции биографической. В многочисленных биографиях и воспоминаниях современников, опубликованных не только в 40—70-е гг., когда следовало писать «как надо», но и почти в наше время, например в 1989 г., Павлов представляется если не воинствующим атеистом, то во всяком случае человеком науки, ни в какой вере не нуждающимся [1].

Эти довольно односторонние высказывания учеников люди, занимавшиеся активной антирелигиозной пропагандой, подхватывали и даже переиначивали на свой лад. Так, например, А. А. Осипов, в прошлом доктор богословия и преподаватель Духовной академии, в хрущевские времена воинствующего атеизма подвизавшийся на поприще разоблачения религиозной идеологии и церковной деятельности вообще, пишет следующее: «Вспомним утверждение церковников об академике И. П. Павлове. Сын протоиерея, воспитанник Рязанской духовной семинарии, ученый прошел путем больших исканий и не сразу преодолел влияние среды, воспитания и традиций. Церковники не устают обыгрывать подобные факты, пряча насквозь фальшивую религиозную идеологию за гигантские фигуры величайших людей мировой науки. С пеной у рта они опровергают документы последних (и не только последних) лет жизни Павлова, которые свидетельствуют о том, что он пришел к законченным материа-

* Статья опубликована в журнале «Вестник психотерапии». СПб., 1998. № 5 (10). С. 125—138.

листическим взглядам и стал в конце концов последовательным атеистом» [2].

Один из соратников Павлова по научной работе, Д. А. Бирюков, рассказывает: «На вопрос о религиозности Павлова мне легче ответить, чем другим, потому что по этому поводу я лично с ним беседовал, вернее, не беседовал, а спросил его однажды об этом. Павлов рассказал в ответ о том, что одно из издательств не хотело печатать его книгу потому, что на ней стоял эпиграф: “Святой памяти сына Виктора”. Кто-то в издательстве не хотел пропускать слово “святой”. Павлов, будучи весьма упорным человеком, не согласился снять это слово, и книга была издана с этим эпиграфом» [2].

Почему борьба Павлова за сохранение слова «святой» есть доказательство его антирелигиозности, мы не поняли и попытались посмотреть, что же по этому поводу писал М. Горький в небольшой заметке «Из воспоминаний о И. П. Павлове» [3]. Относится она к встрече Горького с Павловым в 1919 г. и, к сожалению, грешит существенными противоречиями по сравнению с тем, что в это же время писала о положении дел, а главное, о настроении Павлова по отношению к советской власти его супруга С. В. Павлова [4]. Ученый просил у Ленина разрешения покинуть Россию. Ленин дал распоряжение В. Д. Бонч-Бруевичу, управляющему делами СНК, дать Павлову карт-бланш на все, что он пожелает, но за границу не выпускать. Павлов отказался иметь какие-либо льготы от большевиков по сравнению с другими учеными, считая это непорядочным, и указывал не только на всеобщее бедственное положение, но и на всеобщий страх перед арестами и обысками, подчеркивая, что лично у него обысков было четыре.

На этот категорический отказ Павлова просто не обратили внимания. Паек назначили, и все. С. В. Павлова описывает, как женский голос спросил ее по телефону, почему не приходят за пайком. Она напомнила, что ее муж от пайка отказался и за себя и за нее, после чего ей объяснили, что «умная жена всегда водит за нос своего мужа». Серафима Васильевна засмеялась и ответила: «Очевидно, я совсем глупая жена». А вот как подано это у Горького:

«Требуя помощи его научной работе, — от помощи персонально ему он, Павлов, решительно отказался.

— Продукты надо расходовать бережно. Слышно, какой-то дурак лезет на Петербург? Вот видите: большевики-то озлобили всех. В те дни такое бережное отношение к продуктам наблюдалось крайне редко...» И далее — Павлов, мне кажется, спорил с

советской властью по недоразумению, потому что не имел времени серьезно подумать о значении ее работы и потому еще, что около него были враги советской власти, люди, которые отравили его ложью, сплетнями, клеветой» [3, с. 469].

Вот так, Павлову сплетники нагнали, что у него лично было четыре обыска и вообще он от дополнительного пайка отказался потому, что бережно относился к продуктам, которые с таким трудом добывала бедная советская власть для гнилой интеллигенции, а не потому, что поднял свой голос против террора, которому интеллигенция подверглась, и считал подлостью принимать подачки, когда его коллеги и товарищи в прямом смысле слова умирают с голоду.

Учитывая такую предвзятость изложения, мы не совсем уверены, что атеист Горький точно воспроизводит слова Павлова, сказанные «лет шесть назад»: «Я могу верить в Бога, но, разумеется, предпочитаю знать *. Вера есть тоже нечто, подлежащее изучению, она развивается из отвлеченных понятий, то есть из работы мозга. Изучая его работу, мы все-таки еще не знаем, как он работает. И — узнаем ли? Это вопрос. Вот мы с вами поспорили. Одно и то же вещество нашего мозга воспринимает впечатления и реагирует на них различно и даже непримиримо различно. Я ищу причину этого в биологической, органической химии, вы — в какой-то химии социальной. Мне такая не знакома...» [3, с. 469].

Поскольку нам показалось, что оба приведенных высказывания не проясняют отношения Павлова к вере, как и другие его опубликованные замечания, вырванные из контекста разговора, мы решили изучить этот вопрос более глубоко и попытались получить свидетельства людей, лично знавших Павлова; выяснить, что по этому поводу писала в своих воспоминаниях С. В. Павлова (Карчевская), супруга Павлова; по возможности выяснить, имел ли Павлов духовника хотя бы какое-то время и кто именно был его духовным отцом; получить какие-нибудь свидетельства того, что Павлов действительно был почетным старостой Знаменской церкви (у Московского вокзала) или убедиться, что таких свидетелей не существует.

Нам сразу же повезло — человека, лично знакомого с Павловым, искать не пришлось, поскольку с Н. Г. Озерецковской мы знакомы лет 15. По ее воспоминаниям, Павлов был человеком несомненно верующим.

* Эта фраза ровно ничего не говорит непосредственно о вере и представляет собой уклонение от прямого ответа в разговоре с атеистом Горьким, дурно относящимся к интеллигенции.

Что касается воспоминаний Серафимы Васильевны, хранящихся в Петербургском отделении Архива РАН, — и тут нам повезло: в папке под названием «Отдельные главы, части глав и листы из воспоминаний С. В. Павловой» (многие без купюр и исправлений) имеется раздел, озаглавленный «Отношение Ивана Петровича к религии» [5].

Текст начинается так: «В молодые годы Иван Петрович любил присутствовать при детских молитвах: он говорил, как хорошо, что дети приучаются от жизненных мелочей подыматься к высокому Совершенству, которое все видит, все знает и всем помогает. Они и в жизни будут искать Совершенства и стремиться достигнуть его. В период моего безверия, когда я носилась по жизненному пути “без руля и без ветрил” он глубоко сожалел обо мне, а при моем возвращении к вере радовался и говорил: “Давно, давно пора тебе вернуться на твою спокойную и твердо справедливую дорогу”».

Дальше идут абзацы, посвященные смерти любимого сына Всеволода, «который собирал материалы для биографии своего любимого поэта Лермонтова и своего обожаемого отца». Так эти материалы и остались неиспользованными.

Серафима Васильевна пишет: «По окончании погребения Всеволода И. П. перешел дорогу и остановился перед памятником профессора Менделеева, снял шапку и сказал: “Здесь покоится прах величайшего русского ума, а над ним возвышается высочайшая эмблема всего человечества — крест”, низко поклонился, перекрестился и ушел. Это было 1 ноября 1935 года».

На Рождественские праздники Павловы поехали в Колтуши. «Под Рождество пошли мы ко всеобщей, возвращаясь назад, нельзя было не тронуться красотой вечера, и я сказала ему:

В небесах торжественно и чудно
Спит земля в сиянье голубом, —

на что Иван Петрович ответил: “Да, ничто так не действует успокоительно, как картины природы, которую я люблю”. В ответ я проговорила:

Все прекрасно в Божьем Мире,
Сотворимый Мир в нем скрыт!
Но Он в чувстве, но Он в мире,
Но Он в разуме открыт.

Мне, как простой женщине, Он открыт в чувстве, а тебе, при твоем большом уме, Он должен быть открыт “в великом духе”. “Да, — сказал И. П., — поклоняюсь Ему в Духе и Истине”.

Это был мой последний разговор на религиозную тему».

Следующий вопрос, казавшийся неимоверно трудным, если вообще разрешимым, — кто был духовником Павлова. Это почти невероятно, но и в третий раз нам повезло. В 1995 г. вышло «Жизнеописание старца иеросхимонаха Сампсона», где среди писем и бесед помещен следующий текст.

«*Вопрос:* Вы вчера упомянули, что вашим учеником духовным был Павлов. Я бы очень хотел, чтобы вы рассказали, как он проявлял себя в вопросах веры.

Ответ: Он хотел убедиться в том, что истинное православие — есть абсолютная истина. И на этой почве у нас завязался очень глубокий интересный первый разговор. Он был старостой церковным. Я приехал по поводу... на послушание собирать дань в город, там, где он был старостой. В своем параде, конечно. Мне надо было покрыть крышу на соборе Александро-Невской лавры. Надо было собрать много денег, конечно. Я ездил по Петербургу и собирал деньги. Подхожу к Знаменской церкви, стоит старичок. Это, говорят, Павлов. Он первый подошел ко мне: “Батюшка, благословите”. С поясным поклоном, искренне. “Вы, кажется, такой-то?” Я говорю: “Да”. — “Мне хотелось бы у Вас поисповедоваться. Когда это можно?” — “Пожалуйста”. Я, конечно, обезумел. Мне было страшно: молодой иеромонах, и вдруг подходит Павлов сам и просит исповеди. Но так тепло, так просто и так убежденно, как бы командуя, требуя сказать “да”. Я оторопел: “Ну, пожалуйста, такая-то келья, в такой-то день буду вас ждать”. И он точно-точно пришел, как англичанин, не опаздывая и не забегая. Началась исповедь. Я прочел все положенное, как всегда читаю. А потом он встал на колени и стал плакать, рассказывать свои горести. Горести, связанные, конечно, большей частью с его институтом, студентами, профессурой. Как он был очень такой строгой, благочестивой жизни, очень интересовался он вопросами молитвы. Молитвы вообще, Богообщением. И домашней молитвой. Эта исповедь первая была три часа. И с тех пор у нас было такое общение: каждую пятницу он приезжал на исповедь, пятница была его.

Он знал наизусть Евангелие, он любой текст мог читать, где он только найдет его. Любил апостола Павла послания, почти знал наизусть. Я всегда ему завидовал, как бы мне пригодилось именно это — знать наизусть. Мне много-много пришлось сидеть. Евангелие ведь он читал ежедневно наизусть. Мне помогала, конечно, память музыкальная, а у него была другая память: Павлов ведь. Ругались мы всегда с ним только на тему о собаках, он их мучил. Они были, страшно плакали. Он нес от меня бесконечные эпитимии» [6, с. 317—319].

Беседа не датирована, и только по косвенным признакам мы можем заключить, что она состоялась не ранее 19.01.1925 г., когда монах Сампсон * был рукоположен в иеромонахи (т. е. знакомство с Павловым состоялось, когда Сампсон уже был иеромонахом) и не позднее февраля 1932 г., когда его арестовали и отправили в Соловки, а потом и в другие лагеря, в общей сложности лет на 18.

Учитывая, что в этот момент Сампсон был «молодой иеромонах», он был рукоположен недавно. С Павловым они встречались регулярно по пятницам, по-видимому, на очень короткое время, т. е. встреча состоялась где-то в 1925—1926 гг., а исповедоваться у отца Сампсона Павлов мог, следовательно, в течение пяти или шести лет.

Сампсоний дает Ивану Петровичу как верующему человеку следующую характеристику: «Он признавал, что приучил себя долго мыслить и поступать перед Лицем Божиим: и с людьми, и с собаками, и за письменным столом, и в лабораториях, и в палате. Он был всегда перед Лицем Божиим. Это его особое свойство» [7, с. 95].

Наконец, вопрос о том, был ли Павлов старостой Знаменской церкви. Даже как-то неудобно опять говорить об удаче, но уже в третьей строчке ответа отца Сампсония по поводу Павлова сказано: «Он был старостой церковным». И это ведь свидетельство очевидца.

Кроме того, в книге С. Шульца [8], посвященной петербургским храмам, по поводу Церкви во имя входа Господня во Иерусалим (Знаменская Входеоерусалимская) говорится следующее: «В 1932 г. храм хотели закрыть и снести, его спас академик Иван Петрович Павлов, бывший усердным прихожанином Знаменской церкви и считавшийся почетным старостой храма. Павлову пришлось лично ехать в Москву: он добился, чтобы Знаменский храм был сохранен как действующий. Но в марте 1938 г., после смерти Павлова, храм был закрыт, а в 1940 г. снесен: на месте, где он стоял, был возведен павильон станции метро “Площадь восстания”» [8].

Другой историк, М. В. Шкаровский, это подтверждает, а кроме того, описывает борьбу Павлова за колокольный звон в Колтушской церкви, уничтоженной так же, как и Знаменская, после его смерти. Он пишет: «Два тяжелых удара по епархии были нанесены летом 1933 г. 16 августа президиум Леноблисполкома

* Пострижен в монахи Сампсон Сиверс был 25.03.1922 г. с именем Симеона. Одновременно он был казначеем Александро-Невской лавры.

и Ленсовета постановил закрыть три из четырех еще действующих храмов Александро-Невской лавры, в том числе Троицкий собор, а 27 июня принял решение: “Колокольный звон не является необходимым элементом культовой службы — признать своевременным прекращение колокольного звона в церквях г. Ленинграда”. Все председатели двадцатки были вынуждены подписать обязательства прекратить колокольный звон в своих храмах с 15.07.1933 г. Аналогичное решение относительно Пригородного района Ленинграда вынесли несколько позднее — 20.05.1934 г. Единственное исключение было сделано для Колтушской церкви вследствие категорического требования академика Павлова.

14 июня районный инспектор Е. А. Брапман писал в областную комиссию по вопросам культов: “Сего числа для передачи Вам зам. председателя Пригородного Райисполкома т. Гутнер сообщил мне, что профессор Павлов, узнав, что в Петропавловской церкви в селе Колтуши прекращен колокольный звон согласно постановлению Облисполкома, пришел в негодование и заявил, что сам он лично поедет в Москву и будет жаловаться соответствующим организациям... В силу сложившихся обстоятельств т. Гутнер считает целесообразным разрешение колокольного звона в Колтушах...”» [9].

Из всего сказанного следует, что Павлов был не просто верующим, а воцерковленным, постоянно принимавшим непосредственное участие в церковной жизни человеком. И тем обиднее, что атеистическое государство, славу которого Павлов составлял, специально позаботилось о том, чтобы ему не была оказана последняя дань любви и уважения — публичное отпевание — не тайное, заочное, осуществленное родными и недоказуемое, а открытое.

Р. S. Закончив эту статью, я показала ее моим друзьям, и один из них, искренний атеист, человек широкой эрудиции во многих вопросах, в том числе — и церковных, а также специально изучавший биографию Павлова (категорически считающий, что Павлов религиозен не был), указал мне, что я допустила некорректность, не только не обсудив, но и не упомянув документов, где Павлов высказывался как материалист. Я признала этот упрек и рассмотрела те высказывания Павлова, которые специально подобраны в книге «Естествоиспытатели и атеизм» [10]. Здесь в отрывках из стенограмм «павловских сред» даны отрывочные высказывания типа: «Религия — это есть естественнейший, законнейший человеческий инстинкт», «Вера существует для того, чтобы дать возможность жить слабым» или (неизвест-

но, в какой связи): «А благодаря этому Христу сколько народу было сожжено, сколько народу было в римском цирке зверями растерзано!...»

Приведены слова невесте (С. В. Карчевской) от 2 сентября 1880 г., где говорится: «...странное дело — сам в Бога не верую, никогда не молюсь...» Кстати, это единственный случай, когда имеется прямое высказывание, остальные случаи как-то «вокруг да около», например: «...когда я в 15—16 лет стал читать разные книги, я переделался, и мне это было легко, но я, однако, никакой враждебности к религии не питаю. Человек сам должен выбросить мысль о Боге» [11].

Далее, письмо к Эрнсту Тертлю, Генеральному секретарю Ассоциации рационалистов-журналистов (от 14.10.1935 г.), являющееся, несомненно, ответом на предложение быть включенным в ассоциацию, но, вероятно, при условии, если Павлов и впрямь «рационалист», поскольку в своем ответе Иван Петрович оговаривает: «Если вышеупомянутое рассуждение не вызовет препятствия, я бы принял с благодарностью предложение быть включенным в список по ассоциации».

Привожу оное рассуждение — т. е. письмо Павлова полностью, кроме последней строки, которая уже дана.

«14 октября 1935

Дорогой сэръ.

Конечно, я рационалист, который рассматривает интеллект с его постоянно возрастающим положительным знанием как наивысший человеческий критерий. Оно является тем истинным знанием, которое, пронизывая всю человеческую жизнь, будет формировать конечное счастье и мощь человечества. Но во избежание какого-либо неправильного понимания я должен прибавить, что я со своей стороны считаю невозможным пропагандировать уничтожение религии в настоящее время и для кого бы то ни было. Я рассматриваю религию как естественный и законный человеческий инстинкт, возникший тогда, когда человек стал подниматься над всем другим животным миром и начал выделяться с тем, чтобы познавать себя и окружающую природу. Религия была первоначальной адаптацией человека (в его невежестве) к его позиции среди суровой и сложной среды — адаптацией, которая стала постепенно заменяться, уступать место науке благодаря деятельности разума с его положительным знанием, представляющим наивысшую неограниченную адаптацию.

Я не уверен, способно ли это положительное знание (наука) полностью и для всех заменить религию. Не останется ли рели-

гия для слабого типа людей как единственная, одна лишь приемлемая для него адаптация, за исключением того, если бы наука могла бы устранить возможность быть слабым самому человеку».

Как видно из письма, оно адресовано лицам, желающим с религией бороться, и содержит доказательства того, что делать этого вовсе не нужно, и отнюдь не касается веры самого Павлова.

И тут мы должны рассмотреть вопрос о критериях, согласно которым можно отнести человека к верующим. По церковным представлениям, верующим является не тот, кто просто заявляет, что верит в Бога, а только тот, кто воцерковлен, т. е. признает догмат веры, посещает церковь и соблюдает обряды: считает, что «Бог тому не отец, кому Церковь не мать». Но к вере приходят люди разного уровня этического развития — и подвижники, и люди твердых правил, и люди правил пониже — мелкие грешники, и грешники покрупнее. Вообще безгрешен лишь Иисус Христос — все остальные грешны в той или иной мере и очищаются покаянием. Дело Церкви примирить человека с Богом. Она не отвергает никого — недаром говорится, что на небе больше радуются одному раскаявшемуся грешнику, чем 99 праведникам. Верующий должен стремиться исправить свою душу молитвой, покаянием, добрыми делами. Но если это ему не удастся (пока или вообще), хотя он этого желает и прилагает к этому усилия, он верующим быть не перестает. Даже если он на каком-то этапе отрекался, а потом покался. Как известно, апостол Петр трижды отрекся от Христа. А потом проповедовал его учение, претерпел мученическую смерть. Также известно, что Иван Грозный был изверг, ему даже однажды духовник отказал в причастии (за что жестоко поплатился) — но в том, что царь был верующим, никто не сомневается. Глубоко верующим, прекрасно знавшим не только все обряды, но и церковные песнопения, был А. С. Пушкин, смерть которого была истинно христианской кончиной. Но в молодости он написал совершенно кощунственную «Гавриилиаду», а условия дуэли с Дантесом, разработанные с его согласия, исключали возможность сколько-нибудь благополучного исхода.

Вот эта, если хотите, диалектика, единство и борьба противоположностей — стремление к Богу и греховности натуры у верующих — от понимания атеистов ускользает. Не признавая православного правила — «никого не осуждать, а себя судить строго», они требуют от верующих заведомо невозможного — если веришь — будь святым и не отступай ни на йоту, а иначе — какой же ты верующий! Судить о чужой вере мирянину вообще

не положено — это исключительно дело священника. И веру свою человек не должен демонстрировать, а проповедовать Слово Божье просто права не имеет. На сей случай есть специальные правила 6-го (Константинопольского) Вселенского Собора (680 г.), которые гласят, что мирской человек да не учит, поскольку от рождения не все апостолы; что каждый должен знать свой чин и не ставить себя пастырем, будучи овцой; что не подobaет ему перед народом произносить слово или учить; наконец, что престаупающие этот запрет отлучаются от Церкви на 40 дней [12]. Отвечать на вопросы, частным образом заданные, и учить вопрошающего, если он хочет учиться, а не ставит провокационный вопрос, можно. А свои молитвы и добрые дела свои человек должен держать про себя, иначе их значение умалется.

И Иван Петрович вопросы веры не обсуждает даже с близкими, как это видно из записки Серафимы Васильевны. Не выступает с публичными заявлениями, а в своих лекциях и в разборах на «средах» упорно повторяет, что вера людям необходима как один из адаптационных моментов, т. е. говорит ровно столько, сколько можно сказать, не обращаясь в проповедника. И от правила говорить о религии только уважительно, Павлов, по-видимому, не отступал. Так, А. В. Снежневский пишет: «Такой же спор возникал и на “павловских средах”. Павлова в некоторых случаях было трудно убедить в том, что у больного имеется бред, а не “религиозное мировоззрение”» [13]. И когда Павлов писал Сталину (к сожалению, текст письма не опубликован, и мы не знаем, какие аргументы Павловым приведены), он отстаивал, по-видимому, не веру, а совершенно конкретную Знаменскую церковь у Московского вокзала, отстаивал свое право молиться там, где он привык. Так же точно он отстаивал право слышать звон колоколов Колтушской церкви.

Да, у Ивана Петровича были сомнения и колебания, как у человека, веру принимающего осознанно. Он написал своей невесте, что не верует в Бога. Под влиянием чего? Сошлемся на книгу [1] и приведем с сокращениями размышления ее авторов по поводу духовного кризиса Павлова.

В Петербургском университете, а затем и в ВМА Павлов попал под очень сильное влияние крупного ученого и очень скверного человека, по выражению И. И. Мечникова, «неспособного стать на сколько-нибудь нравственную возвышенную точку зрения», — И. Ф. Циона, который ради достижения определенных выгод даже сменил веру и был проклят отцом и всеми родными. Встретился с Ционом Павлов, когда ему был 21 год, бок о бок работал года 3—4, набирался от него атеистического цинизма,

который был такого сорта, что повел Циона к конфликту не только с профессорами, но и со студентами, которые просто потребовали убрать его из академии. Блестящий профессор уехал в Париж к К. Бернару и... оказался полномочным представителем Российского государственного банка во Франции чуть ли не в течение 16 лет. Иван Петрович ценил Циона как видного физиолога и вообще стоял за него горой, ссорясь с теми, кому он не нравился. Студент Павлов поверил, что в жизни можно чего-либо достичь, только подчинив всего себя холодному рассудку, будто на пути к цели все средства хороши. В конце концов Иван Петрович «страхнул с себя ционовские чары, опомнился и свернул с пути, который вел его к нигилизму» [1]. И произошло это благодаря влиянию его невесты Карчевской, его учителя в академии Боткина и, главное, Достоевского.

Таково мнение авторов книги, с которым мы полностью согласны, особенно относительно Достоевского, который действительно был для Ивана Петровича непререкаемым авторитетом со времени появления «Дневника писателя». Буквально потрясением была для Павлова посвященная Ивану Федоровичу часть «Братьев Карамазовых». «Чем больше читал, тем беспокойнее становилось на сердце: как ни толкуй, пропасть похожего на твоего нежного и сердечного почитателя...» (письмо к невесте от 13 сентября 1880 г.). Эта «пропасть похожего» Павлова вовсе не радует. Анализируя Ивана, а главу «Иван Федорович» он перечитывал не меньше четырех раз, он изживает в себе ционовский нигилизм и холодную рассудительность. В письме невесте от 17 сентября 1880 г. стоит: «...И человек остается умный, но со страшным холодом на сердце, с ощущением странной пустоты в своей особе. И начинается травля. Человек, по-видимому, шел правильно, в ногу с веком, все подвергая анализу, — и что ж? — возникает ужасная путаница — и где ж? — в нем самом. Несмотря на весь свой ум, он чувствует себя отчаянно, ему противен его ум, его тянет в сторону этой реальности, так раньше разрушаемой, отвергаемой, и он действительно готов “отдать всю эту надзвездную жизнь, все чины и почести за то только, чтобы воплотиться в душе семипудовой купчихи и богу свечки ставить...”». А в письме от 7 ноября 1880 г.: «Иван Федорович — это несчастная попытка ума всю природу, как и всего человека, забрать в свою область, все проводить через сознание, все разумом мотивировать. А разве это возможно?..» [11].

А как преломляется смысл этих и других высказываний Павлова в цитируемой нами книге? «Ивану Павлову импонировало стремление Ивана Карамазова во всем оставаться “при факте”,

его неистовое жизнелюбие и абсолютное безбожие» [11, с. 106]. Но, во-первых, Иван Карамазов Павлову не нравится, он изживает его в себе, а во-вторых, как можно назвать Ивана Карамазова безбожником? Он — не безбожник, а богоискатель, создавший свою религиозную концепцию в поэме «Великий инквизитор». Анализу только одной этой поэмы посвящена большая книга В. Розанова [14]; взгляды Ивана анализировало множество исследователей, в том числе П. Кропоткин [15], С. Булгаков [16], Н. Бердяев [17]. Иван Карамазов — особый религиозный тип, он не православен, тянется к католицизму (о чем в романе сказано устами Алеши) и мучается сомнениями не столько по вопросу, есть ли Бог или нет (кроме слов «Бога нет» вскоре идут слова, обращенные к Алеше: «Я не Бога не принимаю, я мира его не принимаю»), сколько по вопросу, какой он, Бог.

То потрясение, которое испытал Павлов, читая «Братьев Карамазовых» и узнавая и анализируя собственные мысли и поступки, увело его не от Бога, а от Циона, т. е. как раз от нигилизма.

Суммируя сказанное и обратившись к определению Церкви, кто является верующим, мы повторно утверждаем, что, несмотря на те или иные высказывания, на колебания взглядов с течением времени, Павлов являлся верующим, поскольку всю жизнь вел себя как человек воцерковленный — не только посещающий церковь и соблюдающий обряды и в быту, и во время работы, и в храме (в том числе — исповедовавшийся, как о том свидетельствует его духовник — старец Сампсон), но и принимавший участие в церковной жизни в качестве почетного старосты Знаменской церкви и боровшийся за сохранение этого храма и колокольного звона в Колтушском храме.

В одном из писем к правительству Павлов именовал себя атеистом, дабы быть услышанным, ибо в те времена верующих не только не слушали, но за религиозность сажали. Он писал в Совнарком: «По моему глубокому убеждению, гонения нашим правительством религии и покровительство воинствующему атеизму есть большая и вредная последствиями государственная ошибка. Я сознательный атеист-рационалист и поэтому не смогу быть заподозрен в каком бы то ни было профессиональном пристрастии... Религия есть важнейший охранительный инстинкт, образовавшийся, когда животное превращалось в человека, сознающего себя и окружающие существа, и имеющая огромное жизненное значение» [18].

Следует подчеркнуть, что хотя Павлов разрешал себе очень смелые выступления (например, против мировой революции),

индальгенции на право говорить все, что он думал, он не имел, поскольку «Власти, конечно, не мирились с фрондерством Павлова и одергивали его неоднократно» [18, с. 112]. Может быть даже, за себя лично Павлов мог не бояться, но были ученики, родные и близкие...

И все-таки при каждом удобном случае Иван Петрович (отнюдь не склонный к мученичеству) выступал против гонений на религию, что требовало большого гражданского мужества и чем человек неверующий заниматься бы не стал.

Литература

1. *Самойлов В. О., Мозжухин А. С.* Павлов в Петербурге—Петрограде—Ленинграде. Л., 1989.
2. *Осипов А. А.* Евангелие от иезуита. Размышления бывшего богослова о книге иеромонаха Ф. Елотта «Решение проблемы жизни». Л., 1964. 277 с.
3. *Горький М.* Собр. соч.: В 39 т. М., 1952. Т. 17. С. 468—470.
4. *Павлова С. В.* Воспоминания прошлых лет. Рукопись // Архив РАН. Ф. 259.
5. *Павлова С. В.* Отдельные главы, части глав и листы из воспоминаний С. В. Павловой // Архив РАН. Ф. 259. Оп. 1. Д. 70. Л. 258—259.
6. Письма старца иеросхимонаха Сампсона // Жизнеописание старца иеросхимонаха Сампсона. М., 1995. Т. 3. Ч. 2.
7. Беседы и поучения старца иеросхимонаха Сампсона // Жизнеописание старца иеросхимонаха Сампсона. М., 1995. Т. 2.
8. *Шульц С.* Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994.
9. *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия. 1917—1945 гг. СПб., 1995.
10. Естествоиспытатели и атеизм. Критика религии выдающимися естествоиспытателями XIX—XX вв. М., 1973. С. 240—258.
11. Письма Павлова к невесте // Москва. 1959. № 10. С. 155—181.
12. Правила святых Вселенских соборов. М., 1912.
13. *Снежневский А. В.* Общая психопатология. Курс лекций. Валдай, 1970.
14. *Розанов В.* Легенда о Великом Инквизиторе. Берлин. 265 с.
15. *Кропоткин П.* Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907. 367 с.
16. *Булгаков С.* Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип. Публ. лекция. Оттиск. М., 1902. 38 с.
17. *Бердяев Н.* Духи русской революции. Рига, 1990. 30 с.
18. *Самойлов В., Виноградов Ю.* Иван Павлов и Николай Бухарин // Звезда. 1989. № 10. С. 94—120.

